

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 66. «Отвори мне, страж заоблачный, голубые
двери дня»

Выпуск № 342

Осип Мандельштам

Рождение улыбки

Когда заулыбается дитя
С развилкой и горечи и сласти,
Концы его улыбки, не шутя,
Уходят в океанское безвластье.

Ему непобедимо хорошо,
Углами губ оно играет в славе –
И радужный уже строчится шов
Для бесконечного познания яви.

На лапы из воды поднялся материк –
Улитки рта наплыв и приближенье, –
И бьёт в глаза один атлантов миг
Под лёгкий наигрыш хвалы и удивленья.

1936-1937

Марина Цветаева

из цикла «Стихи о Москве»

Облака – вокруг,
Купола – вокруг,
Надо всей Москвой
Сколько хватит рук! –
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо моё
Невесомое!

В дивном граде сём,
В мирном граде сём,
Где и мёртвой – мне
Будет радостно, –
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом говей,
Не сурьми бровей
И все сорок – чти –
Сороков церковей.
Исходи пешком – молодым шажком! –
Всё привольное
Семихолмие.

Будет твой черёд:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние –
На Ваганькове.

1916

Выпуск № 695

Лариса Миллер

Погляди-ка, мой болезный,
Колыбель висит над бездной,
И качают все ветра
Люльку с ночи до утра.
И зачем, живя над краем,
Со своей судьбой играем,
И добротный строим дом
И рожаем в доме том.
И цветёт над лёгкой зыбкой
Материнская улыбка.
Сполз с поверхности земной
Край пелёнки кружевной.

1976

Мария Петровых

Когда на небо синее
Глаза поднять невмочь,
Тебе в ответ, уныние,
Возникнет слово: дочь.

О, чудо светлолицее,
И нежен и высок, –
С какой сравниться птицею
Твой лёгкий голосок!

Клянусь – необозримое
Блаженство впереди,
Когда ты спишь, любимая,
Прильнув к моей груди.

Тебя держать, бесценная,
Так сладостно рукам.
Не комната – вселенная,
Иду – по облакам.

И сердце непомерное
Колышется во мне,
И мир, со всею скверною,
Остался где-то, вне.

Мной ничего не сказано,
Я не сумела жить,
Но ты вдвойне обязана,
И ты должна свершить.

Быть может мне заранее,
От самых первых дней,
Дано одно призвание –
Стать матерью твоей.

В тиши блаженства нашего
Клянусь себя: не сглазь!
Мне счастье сгинуть заживо
И знать, что ты сбылась.

1940

Выпуск № 860

Лариса Миллер

Первее первого, первее
Адама, первенец, птенец,
Прими, не мучась, не робея
Небесной радуги венец.
Живи, дыши. Твоё рожденье,
Как наважденье, как обвал.
Тебе – снегов нагроможденье,
Тебе – листвы осенний бал
И птичьи песни заревые,
И соло ливня на трубе,
И все приёмы болевые,
Что испытают на тебе.

1987

Марина Цветаева

Але

*Ах, несмотря на гаданья друзей.
Будущее – непроглядно.
В платье – твой вероломный Тезей,
Маленькая Ариадна.*

Аля! – Маленькая тень
На огромном горизонте.
Тщетно говорю: не троньте.
Будет день –

Милый, грустный и большой,
День, когда от жизни рядом
Вся ты оторвёшься взглядом
И душой.

День, когда с пером в руке
Ты на ласку не ответишь.
День, который ты отметишь
В дневнике.

День, когда летя вперёд,
– Своенравно! – Без запрета! –
С ветром в комнату войдёт –
Больше ветра!

Залу, спящую на вид,
И волшебную, как сцена,
Юность Шумана смутит
И Шопена...

Целый день – на скакуне,
А ночами – чёрный кофе,
Лорда Байрона в огне
Тонкий профиль.

Метче гибкого хлыста
Остроумье наготове,
Гневно сдвинутые брови
И уста.

Прелесть двух огромных глаз,
– Их угроза – их опасность –
Недоступность – гордость – страстность
В первый раз...

Благородным без границ
Станет профиль – слишком белый,
Слишком длинными ресниц
Станут стрелы.

Слишком грустными – углы
Губ изогнутых и длинных,
И движенья рук невинных –
Слишком злы.

– Ворожит моё перо!
Аля! – Будет всё, что было:
Так же ново и старо,
Так же мило.

Будет – с сердцем не воюй,
Грудь Дианы и Минервы! –
Будет первый бал и первый
Поцелуй.

Будет «он» – ему сейчас
Года три или четыре...
– Аля! – Это будет в мире –
В первый раз.

1913

Выпуск № 971

Давид Самойлов

Подставь ладонь под снегопад,
Под искры, под кристаллы.
Они мгновенно закипят,
Как плавкие металлы.

Они растают, потекут
По линиям руки.
И станут линии руки
Изгибами реки.

Другие линии руки
Пролягут как границы,
И я увижу городки,
Дороги и столицы.

Моя рука как материк –
Он прочен, изначален.
И кто-нибудь на нём велик,
А кто-нибудь печален.

А кто-нибудь идёт домой,
А кто-то едет в гости.
А кто-то, как всегда зимой,
Снег собирает в горсти.

Как ты просторен и широк,
Мирок на пятерне.
Я для тебя, наверно, Бог,
И ты послушен мне.

Я берегу твоих людей,
Храню твою удачу.

И малый мир руки моей
Я в рукавичку прячу.

Арсений Тарковский

Только грядущее

Рассчитанный на одного, как номер
Гостиницы – с одним окном, с одной
Кроватью и одним столом, я жил
На белом свете, и моя душа
Привыкла к телу моему. Бывало,
В окно посмотрит, полежит в постели,
К столу присядет – и скрипит пером,
Творя свою нехитрую работу.

А за окном ходили горожане,
Грузовики трубили, дождь шумел,
Посвистывали милиционеры,
Всходило солнце – наступало утро,
Всходили звёзды – наступала ночь,
И небо то светлело, то темнело.

И город полюбил я, как приезжий,
И полон был счастливых впечатлений,
Я новое любил за новизну,
А повседневное – за повседневность,
И так как этот мир четырёхмерен,
Мне будущее приходилось впору.

Но кончилось моё уединенье,
В пятнадцатирублевый номер мой
Ещё один вселился постоялец,
И новая душа плодиться стала,
Как хромосома на стекле предметном.
Я собственной томился теснотой,

Хотя и раздвигался, будто город,
И слободами громоздился.

Я

Мост перекинул через речку.

Мне

Рабочих не хватало. Мы пылили

Цементом, грохотали кирпичом
И кожу бугорчатую земли
Бульдозерами до костей сдирали.

Хвала тому, кто потерял себя!
Хвала тебе, мой быт, лишённый быта!
Хвала тебе, благословенный тензор,
Хвала тебе, иных времён язык!
Сто лет пройдёт – нам не понять его,
Я перед ним из «Слова о полку»,
Лежу себе, побитый татарвой:
Нас тысяча на берегу Каялы,
Копьё торчит в траве,
 а на копье
Степной орёл седые перья чистит.

1960

Выпуск № 117

Иннокентий Анненский

С четырёх сторон чаши

Нежным баловнем мамыши
То большеиться, то шалить...
И рассеянно из чаши
Пену пить, а влагу лить...

Сил и дней гордясь избытком,
Мимоходом, на лету
Хмельно-розовым напитком
Усыплять свою мечту.

Увидав, что невозможно
Ни вернуться, ни забыть...
Пить поспешно, пить тревожно,
Рядом с сыном, может быть,

Под наплывом лет согнуться,
Но, забыв и вкус вина...
По привычке всё тянуться
К чаше, выпитой до дна.

Лариса Миллер

Мы поймём, года спустя,
Что всерьёз, а что шутя,
И когда рыдать ночами,
И когда пожать плечами.

А пока слова лихие
Часто трогают до слёз,
А пока глаза сухие,
Когда худо нам всерьёз.

А пока всё криво-косо,
И неприбрано в душе,
И туманно, как набросок,
Как этюд в карандаше.

А когда, взглянув назад,
Вдруг поймём, что сор, что клад,
На дворе, наверно, будет
Наш последний листопад.

1969

Анна Ахматова

из цикла «Северные элегии»

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые
Тютчев

Н. А. О-ой

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.
О, как я много зрелищ пропустила,
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала,

И сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слёзы,
А я один на свете город знаю
И ошупью его во сне найду.
И сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вокруг меня
И, может быть, ещё когда-нибудь
Меня задушит...
Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чём теперь не надо вспоминать.
И женщина какая-то моё
Единственное место заняла,
Моё законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, всё, что можно.
Я не в свою, увы, могилу лягу.
Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетание слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
Меня в несостоявшуюся жизнь.
В таком году произошло бы то-то,
А в этом – это: ездить, видеть, думать,
И вспоминать, и в новую любовь
Входить, как в зеркало, с тупым сознаньем
Измены и ещё вчера не бывшей
Морщинкой...

.....

Но если бы оттуда посмотрела
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть наконец...

1945

[Выпуск № 692](#)

[Евгений Баратынский](#)

Дорога жизни

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая

Даёт известный нам запас.
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми роковые
Прогоны жизни платим мы.

1825

Александр Блок

Сусальный ангел

На разукрашенную ёлку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щёлку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он – немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет – нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка – душа...

1909

Анна Ахматова

из цикла «Северные элегии»

Последний ключ – холодный ключ забвенья.

Он слаще всех жар сердца утолит

Пушкин

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая – как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Ещё не замер смех, струятся слёзы,
Пятно чернил не стёрто со стола –
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединённый,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всём лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки с мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век – и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединённый,
И задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там всё другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаём, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,

И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас – и даже
Всё к лучшему...

1945

Выпуск № 605

Николай Рерих

Наш путь

Путники, сейчас мы проходим
сельской дорогой. Хутора чередуются
полями и рощами. Дети заботятся
о стадах. К нам дети подходят.
Мальчик нам подал чернику
в бересте. Девушка протянула
пучок пахучей травы. Малыш
расстался для нас со своей
в полоску нарезанной палочкой.
Он думал, что с нею нам
будет легче идти. Мы проходим.
Никогда больше не встретим
этих детей. Братья, мы отошли
от хуторов ещё недалеко,
но вам уже надоели подарки.
Вы рассыпали пахучую травку.
Ты сломал корзиночку из бересты.
Ты бросил в канаву палочку,
данную малышом. К чему нам
она? В нашем долгом пути.
Но у детей не было ничего другого.
Они дали нам лучшее из того,
что имели, чтобы украсить
наш путь.

1917

Лариса Патракова

Вечно не устану верить:
Постучится дальний гость.
Знаю наизусть в апреле
Каждый час – уж так ждалось!
Безымянный. Ниоткуда,
Сам ни свой, ни мой, ничей –
Просто гость – живое чудо
Из холодных злых ночей,
С поездов, с перронов гулких,
С неба, с моря, из разлук,
Из забытых переулков,
Где не ходят на прогулки,
Человек случится вдруг!
Знаю наизусть в апреле
Каждый час. Ведь я сама
По ночам искала двери,
Чтобы не сойти с ума.
Все приметы мне знакомы:
По апрелю в злых ночах
Я бродила возле дома,
Я сама была – ничья!
Но ни одного порога
Не смогла переступить:
Знала я одну тревогу:
Гостя приведёт дорога –
Кто-то должен дверь открыть!

Марина Цветаева

Собирая любимых в путь,
Я им песни пою на память –
Чтобы приняли как-нибудь,
Что когда-то дарили сами.

Зеленеющею тропой
Довожу их до перекрёстка.
Ты без усталы, ветер, пой,
Ты, дорога, не будь им жесткой!

Туча сизая, слёз не лей, –
Как на праздник они обуты!

Ущери себе жало, змей,
Кинь, разбойничек, нож свой лютой.

Ты, прохожая красота,
Будь весёлою им невестой.
Потруди за меня уста, –
Наградит тебя Царь Небесный!

Разгорайтесь, костры, в лесах,
Разгоняйте зверей берложьих.
Богородица в небесах,
Вспомяни о моих прохожих!

1916

Выпуск № 271

Лариса Миллер

Поверь, возможны варианты,
Изменчивые дни – гаранты
Того, что варианты есть,
Снежинки – крылышки, пуанты –
Парят и тают, их не счесть.
И мы из тающих, парящих,
Летающих, заживо горящих
В небесном и земном огне, –
Царящих и совсем пропащих
Невесть когда и где, зане
Мы не повязаны сюжетом,
Вольны мы и зимой и летом
Менять событий быстрый ход
И что-то добавлять при этом,
И делать всё наоборот,
Менять ремарку «обречённо»
На «весело» и, облегчённо
Вздыхнув, играть свой вариант,
Чтоб сам Всевышний увлечённо
Следил, шепча: «Какой талант!»

2000

Давид Самойлов

Дневник

Листаю жизнь свою,
Где радуюсь и пью,
Люблю и негодую,
И в ус себе не дую.

Листаю жизнь свою,
Где плачу и пою,
Счастливый по природе
При всяческой погоде.

Листаю жизнь свою,
Где говорю шутейно
И с залетейской тенью,
И с ангелом в раю.

Константин Бальмонт

Бог создал мир из ничего.
Учись, художник, у него, –
И если твой талант крупица,
Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный прибой
Бежит по бездне голубой.

Выпуск № 501

Михаил Лермонтов

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света

Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берёт.

1832

Борис Пастернак

Я рос. Меня, как Ганимеда,
Несли ненастья, сны несли.
Как крылья, отрастали беды
И отделяли от земли.

Я рос. И повечерий тканых
Меня фата обволокла.
Напутствуем вином в стаканах,
Игрой печальною стекла,

Я рос, и вот уж жар предплечий
Студит объятие орла.
Дни далеко, когда предтечей,
Любовь, ты надо мной плыла.

Но разве мы не в том же небе?
На то и прелесть высоты,
Что, как себя отпевший лебедь,
С орлом плечо к плечу и ты.

1913, 1928

Александр Блок

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пускай и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке –
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть – вдвоём.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.

Глядят внимательные очи,
И сердце бьёт, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

1912

Выпуск № 717

Мария Петровых

О, какие мне снились моря!
Шелестели полынью предгория...
Полно, друг. Ты об этом зря,
Это всё реквизит, бутафория.
Но ведь снилось! И я не пойму –
Почему они что-то значили?
Полно, друг. Это всё ни к чему.
Мироздание переиначили.
Эта сказочка стала стара,
Потускнели видения ранние,
И давно уж настала пора
Зренья, слуха и понимания.

1967

Давид Самойлов

Зрелость

Приобретают остроту,
Как набирают высоту,

Дичают, матеруют,
И где-то возле сорока
Вдруг прорывается строка,
И мысль становится легка,
А слово не стареет.

И поздней славы шепоток
Немного льстив, слегка жесток,
И, словно птичий коготок,
Царапает, не рая.
Осенней солнечной строкой
Приходит зрелость и покой,
Рассудка не туманя.

И платят позднею ценой:
"Ах, у него и чуб ржаной!
Ах, он и сам совсем иной,
Чем мы предполагали!"
Спасибо тем, кто нам мешал!
И счастье тем, кто сам решал, —
Кому не помогли!

Выпуск № 243

Сергей Есенин

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увёл коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой — мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив златую цепь.

Вижу, как он бьётся, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

1918

Арсений Тарковский

Из окна

Ещё мои руки не связаны,
Глаза не взглянули в последний,
Последние рифмы не сказаны,
Не пахнет венками в передней.

Наверчены звёздные линии
На северном полюсе мира,
И прямоугольная, синяя
В окно моё вдвинута лира.

А ниже – бульвары и здания
В кристальном скрипичном напеве, –
Как будущее, как сказание,
Как Будда у матери в чреве.

1958

Мария Петровых

Звезда

Когда настанет мой черёд,
И кровь зелёная замрёт,
И затуманятся лучи –
Я прочеркну себя в ночи.

Спугнув молчанье сонных стран,
Я кану в жадный океан.
Он брызнет в небо и опять
Сомкнётся, новой жертвы ждать.

О звёздах память коротка:
Лишь чья-то крестится рука,
Да в небе след крутой дуги,
Да на воде дрожат круги.

А я, крутясь, прильну ко дну,
Солёной смерти отхлебну.

Но есть исход ещё другой:
Не хватит сил лететь дугой,
Сорвусь и – оземь. В пышный снег.
И там раздавит человек.

Он не услышит тонкий стон,
Как песнь мою не слышал он.
Я кровь последнюю плесну
И, почерневшая, усну.

И не услышу ни толчков,
Ни человеческих страшных слов.
(А утром скажут про меня:
– Откуда эта головня?)

Но может быть ещё одно
(О, если б это суждено):
Дрожать, сиять и петь всегда
Тебя, тебя, моя звезда!

1927

Выпуск № 440

Наталья Крандиевская

Стрела упала, не достигнув цели,
И захлебнулся выстрел мой осечкой.
Жила ли я? Была ли в самом деле,
Иль пребывала в праздности доселе, –
Ни чёрту кочергой, ни Богу свечкой,
А только бликом, только пылью звездной,
Мелькнувшей в темноте над бездной.

1960

Анна Ахматова

Вот она, плодоносная осень!
Поздновато её привели.
А пятнадцать блаженнейших вёсен

Я подняться не смела с земли.
Я так близко её разглядела,
К ней припала, её обняла,
А она в обречённое тело
Силу тайную тайно лила.

1962

Иван Бунин

Радуга

Свод радуги – Творца благоволение,
Он сочетает воздух, влагу, свет –
Всё, без чего для мира жизни нет.
Он в чёрной туче дивное виденье
Являет нам. Лишь избранный Творцом,
Исполненный Господней благодати, –
Как радуга, что блещет лишь в закате, –
Зажжется пред концом.

1922

Выпуск № 544

Владимир Соловьёв

Когда в свою сухую ниву
Я семя истины приял,
Оно возшло – и торопливо
Я жатву первую собрал.

Не я растил, не я лелеял,
Не я поил его дождём,
Не я над ним прохладой веял
Иль ярким согревал лучом.

О нет! я тёрном и волчцами
Посев небесный подавлял,
Земных стремлений плевелами
Его теснил и заглушал.

Александр Пушкин

Возрождение

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуёй;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

1819

Николай Гумилёв

Пятистопные ямбы

М. Л. Лозинскому

Я помню ночь, как чёрную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.

О, как я их жалел, как было странно
Мне думать, что они идут назад
И не остались в бухте необманной,
Что дон Жуан не встретил донны Анны,
Что гор алмазных не нашёл Синдбад
И Вечный Жид несчастней во сто крат.

Но проходили месяцы, обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер – мне нравились их пятна –
И то, что прежде было непонятно,
Презрение к миру и усталость снов.

Я молод был, был жаден и уверен,
Но дух земли молчал, высокомерен,
И умерли слепящие мечты,
Как умирают птицы и цветы.
Теперь мой голос медлен и размерен,
Я знаю, жизнь не удалась... – и ты,

Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий,
Я проиграл тебя, как Дамаянги
Когда-то проиграл безумный Наль.
Взлетели кости, звонкие, как сталь,
Упали кости – и была печаль.

Сказала ты, задумчивая, строго:
– "Я верила, любила слишком много,
А уйду, не веря, не любя,
И пред лицом Всевидящего Бога;
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя". –

Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук,
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и мучил каждый звук,
И ты ушла, в простом и тёмном платье,
Похожая на древнее Распятые.

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало.

И в реве человеческой толпы,
В гудении проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы

Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: буди, буди.

Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
– "Скорей вперёд! Могила, так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А пологом – зелёная листва,
Союзником – архангельская сила". –

Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошёл, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молнийных и рдяных тучах.

И счастием душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звёздами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовёт свои дороги.

Честнейшую честнейших херувим,
Славнейшую славнейших серафим,
Земных надежд небесное Свершенье
Она величит каждое мгновенье
И чувствует к простым словам своим
Вниманье, милость и благоволенье.

Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоголавый,
Он озарён немеркнущею славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь...
В тот золотой и белый монастырь.

1912-1915

Выпуск № 817

Александр Пушкин

Труд

Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как подёнщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

1830

Николай Гумилёв

Да! Мир хорош, как старец у порога,
Что путника ведёт во имя Бога
В заране предназначенный покой,
А вечером, простой и благодушный,
Приказывает дочери послушной
Войти к нему и стать его женой.

Но кто же я, отступник богомольный,
Обретший всё и вечно недовольный,
Сдружившийся с луной и тишиной?
Мне это счастье только указанье,
Что мне не лжет моё воспоминанье,
И пил я воду родины иной.

1911

Выпуск № 986

Сергей Есенин

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвеньи канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далёких.

1916

Фёдор Сологуб

Узнаёшь в тумане зыбком
Всё, чем сердце жило прежде,
Возвращаешься к улыбкам
И к мечтательной надежде.

Кто-то в мочки пару серег,
Улыбаясь, продевает
И на милый, светлый берег,
Тихой песней призывает,

Посидеть на куче брёвен,
Где тихонько плещут волны,
Где песочный берег ровен,
Поглядеть рыбацьи чёлны,

Рассказать, чем сердце жило,
Чем болело и горело,
И кого оно любило,
И чего оно хотело.

Ты мечтаешь, хоть недолго,
О далёкой, об отцветшей.
Имя сладостное Волга
Сходно с именем умершей.

В тихий день воспоминанья
Так утешны эти дали,
Эти бледные мерцанья,
Эти мгlistые вуали.

1920

Александр Пушкин

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провёл
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор – и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я – но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер ещё бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов её тяжелых,
Ни кропотливого её дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим – и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зелёных
Оно синяя стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывёт рыбак и тянет за собой
Убогой невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни – там за ними
Скривилась мельница, на силу крылья

Ворочая при ветре...

На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят – одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, – здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я, и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох –
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь молодая роща разрослась,
Зелёная семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему всё пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Весёлых и приятных мыслей полон,
Пройдёт он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

1835

Выпуск № 768

Давид Самойлов

Ночлег

Однажды летним вечерком
Я со знакомым стариком

В избе беседовал за водкой.
Его жена с улыбкой кроткой
Нам щей вчерашних подала,
А после кружево плела.

Старухи грубая рука
Была над кружевом легка.
Она рукою узловатой
Плела узор замысловатый.

Старик был стар – или умён,
Он поговорки всех времён
Вплетал умело в дым махорки.
Или, наоборот, ему
Всё время чудились в дыму
Пословицы и поговорки...

Старуха кружево плела.
И понял я, что мало стою,
Поскольку счастье ремесла
Не совместимо с суетою.

Потом стелила мне постель.
Кричал в тумане коростель.
И слышал я на сеновале,
Как соловьи забушевали!
Забушевали соловьи!

Забушевали соловьи!
Что за лады, что за рулады!
Как будто нет у них беды,
Как будто нет у них досады...
Забушевали соловьи...

Я спал, покуда птицы пели,
Воображенье распалив.
Потом рассвет струился в щели,
А я был молод и счастлив...

Даниил Андреев

Памяти друга

Был часом нашей встречи истинной
Тот миг на перевозе дальнем,
Когда пожаром беспечальным
Зажглась закатная Десна,
А он ответил мне, что мистикой
Мы правду внутреннюю чуем,
Молитвой Солнцу дух врачуем
И пробуждаемся от сна.

Он был так тих – безвестный, седенький,
В бесцветной куртке рыболова,
Так мудро прост, что это слово
Пребудет в сердце навсегда.
Он рядом жил. Сады соседили.
И стала бедная калитка
Дороже золотого слитка
Мне в эти скудные года.

На спаде зноя, если душная
Истома нежила природу,
Беззвучно я по огороду
Меж рыхлых грядок проходил,
Чтоб под развесистыми грушами
Мечтать в причудливых беседах
О Лермонтове, сагах, ведах,
О языке ночных светил.

В удушливой степной пыли моя
Душа в те дни изнемогала.
Но снова правда жизни стала
Прозрачней, чище и святей,
И над судьбой неумолимою
Повеял странною отрадой
Уют его простого сада
И голоса его детей.

Порой во взоре их задумчивом,
Лучистом, смелом и открытом,
Я видел грусть: над бедным бытом
Она, как птица, вдаль рвалась.
Но мне – ритмичностью заученной

Стал мил их труд, их быт, их город.
Я слышал в нём – с полями, с бором,
С рекой незыблемую связь.

Я всё любил: и скрипки нежные,
Что мастерил он в час досуга,
И ветви гибкие, упруго
Нас трогавшие на ходу,
И чай, и улы белоснежные,
И в книге беглую отметку
О Васнецове, и беседку
Под старой яблоней в саду.

Я полюбил в вечерних сумерках
Диванчик крошечной гостиной,
Когда мелодией старинной
Звенел таинственный рояль,
И милый сонм живых и умерших
Вставал из памяти замглённой,
Даря покой за путь пройденный
И просветленную печаль.

Но всех бесед невыразимее
Текли душевные встречанья
В полу-стихах, полу-молчаньи
У нелюдимого костра –
О нашей вере, нашем Имени,
О неизвестной людям музе,
О нашем солнечном союзе
Неумирающего Ра.

Да, тёмные, простые русичи,
Мы знали, что златою нитью
Мерцают, тянутся наитья
Сюда из глубей вековых,
И наша светлая Нерусочка,
Дитя лесов и мирной воли,
Быть может, не любила боле
Так никого, как нас двоих.

Журчи же, ясная, далёкая,
Прозрачная, как реки рая,
В туманах летних вспоминая
О друге ласковом твоём,
О том, чью душу светлоокую

В её надеждах и печали,
В её заветных думах, знали,
Быть может, ты и я – вдвоём.

Выпуск № 27

Николай Языков

Молитва

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

1825

Александр Блок

И вновь – порывы юных лет
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было – и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел – тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,

И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на пол-жизни не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,

И всё уж не моё, а наше,
И с миром утвердилась связь, –

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастием привыкли звать!

1912

Арсений Тарковский

Меркнет зрение – сила моя,
Два незримых алмазных копья;
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома;
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волы;
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

1977